

Он словно разговаривал сам с собой, лениво касаясь пальцами пожухлой листвы. Была глубокая осень, пора листопада, и когда Ян Е опомнился, на тонких ветках не осталось ни единого листочка — последние сорвались и тихо легли на землю.

Ян Е резко обернулся и сердито прищурился на Дун Гэ:

— Как ты вообще за цветами ухаживаешь? Погляди, все листья осыпались!

Дун Гэ видел, что маркиз откровенно придирается, но лицо Ян Е не предвещало ничего хорошего, поэтому пришлось покорно оправдываться:

— Так ведь зима на носу, господин, время пришло. — Он замялся, но всё же решился добавить: — Да и не я за ней ухаживал. Это любимица нашего господина, он мне к ней и прикасаться запрещал. Наш судья души не чаял в этой карликовой сливе, каждый день сам над ней хлопотал. Холил её, лелеял, а потом всё равно испереживался, послал меня на юг города и за огромные деньги нанял старого садовника. Тот его учил, а Лин Шу саморучно каждое слово записывал. Пока он здесь жил, сам и поливал, и ветви подрезал. И лишь когда покинул усадьбу, доверил это нам — строго по его записям. Жаль только, до зимнего цветения он так и не дождался. И бог весть, жив ли господин теперь... Если его и впрямь нет в живых, выходит, я, столько лет прослужив при нём, даже в последний путь его не проводил...

В прошлом они с братом были простыми мясниками, резали свиней на рынке, а после пошли за Лин Шу и стали палачами империи Да Янь. Привыкшие ходить по лезвию ножа и проливать кровь, они имели каменные сердца. Но сейчас, вспоминая безграничную доброту господина к их семье, Дун Гэ не выдержал — по его суровому лицу покатались крупные слёзы.

Ян Е слушал его, и в груди у него теснилась невыносимая горечь пополам со странной, щемящей нежностью. Он сам не понимал, что чувствует в этот миг.

— Надо же, даже для цветов завёл записи... — с грустной усмешкой проговорил он. — И где же они? Принеси, я взгляну.

Дун Гэ поспешно удалился и вскоре вернулся с тонкой тетрадью в руках. С собой он прихватил изящный восьмиугольный стеклянный фонарь, чтобы гостю было лучше видно.

Приблизив тетрадь к тусклому, тёплому свету фонаря, Ян Е перелистнул первую страницу. Строки были выведены каллиграфическим, изящным почерком — мелким, как мушиные лапки, но безупречно аккуратным. Описание ухода за сливой оказалось поразительно детальным:

«Летом поливать ежедневно, на рассвете либо в сумерках. Весной и осенью — раз в два дня. Зимой — раз в пять или семь дней. Прежде чем лить воду, следует постучать пальцами по стенке горшка. Если раздастся звонкий, чистый звук — земля высохла; если же звук глухой — с поливом можно повременить...»

Далее шли подробные наставления о том, как подрезать ветви и когда вносить удобрения. Каждая мелочь была расписана с предельной точностью.

Ян Е медленно закрыл тетрадь и замер в молчании. Дун Гэ украдкой поглядывал на него, но по лицу маркиза ничего нельзя было прочесть.

Наконец Ян Е едва слышно прошептал, обращаясь к невидимому собеседнику:

«Всё расписал до мелочей... Как это на тебя похоже. Когда ты расследовал мой мятеж, верно, выказывал такое же усердие».

Пока он стоял, погружённый в свои думы, на щёку опустилось что-то покалывающе-холодное. Ян Е медленно поднял голову. Весна сменилась летом, пролетела осень — незаметно пронеслось полгода. Наступила ранняя зима. В сумеречном воздухе кружились первые невесомые снежинки, тая без следа, стоило им коснуться земли. Всё вокруг казалось зыбким, призрачным сном, который не выразить словами.

Когда-то Лин Шу вот так же стоял здесь в полном одиночестве, созерцая это деревце. Теперь на его месте стоял Ян Е — столь же одинокий, смотрящий на ту же сливу. Всё изменилось, былого не вернуть. Сердце уже не болело прежней острой болью, осталась лишь глухая, леденящая стужа, проникающая в самую глубь души. Ян Е порывался закрыть лицо широким рукавом, но передумал, бессильно опустил руку и тихо, горько рассмеялся:

— Раз любил эти цветы, отчего же молчал? И кого мне теперь винить? Пожалуй... пожалуй, лишь самого себя.

Любовь зарождается незаметно, но проникает глубоко в сердце. Когда же он успел поддаться этой тоске? Когда осознал, что полюбил по-настоящему? Увы, того, кто разжёл этот огонь, больше нет рядом. Где теперь искать его следы?

Небо на востоке начало медленно светлеть. Ян Е обернулся к Дун Гэ и строго наказал:

— Береги эту сливу как зеницу ока. Захвнет — лично с тебя голову сниму. И о том, что я здесь был, — ни единой души. Сидите с братом в Верховном суде тихо и не высовывайтесь, о жизни своей не беспокойтесь — никто вас не тронет. Позже я найду способ вернуть вас к прежнему ремеслу.

Дун Гэ облегчённо вздохнул и поспешно поклонился:

— Премного благодарен, маркиз!

Ян Е медленно покинул стены Верховного суда. Из-за бессонной ночи голова гудела, а шаг был неверным и тяжёлым. Одинокий, он брёл по погружённым в предрассветный сумрак улочкам

Лояна. Возле ворот Вечного Процветания его уже ждали. Во главе преданных гвардейцев стоял Вэй Линьсянь, а позади толпились придворные чиновники, решившие присягнуть на верность новому порядку.

Ян Е заставил себя взбодриться и кивнул Вэй Линьсяню:

— Выдвигаемся. Скоро час Дракона.

Рана на плече, которую Бай Тинби наспех перевязал перед входом в город, за сутки непрерывного движения разбередилась, и бинты пропитались кровью. Подошедший сзади Чжунли Чжэнь ловко сменил повязку и, заметив изнеможение на лице командира, негромко произнёс:

— Устали, маркиз? Если предстанете перед князем Чжао в таком виде, его высочество изведётся от беспокойства.

Ян Е промолчал, отрешённо глядя вдаль, и лекарь не стал докучать ему расспросами.

Ворота Вечного Процветания на севере Лояна были распахнуты настежь. За городской чертой князь Чжао — Ян Си и Бэйчэнь Цин уже выстроили свои войска в безупречные боевые порядки. Ян Си, преодолевая боль от ран и вопреки уговорам Бэйчэнь Цина и Жэнь Гуаня, отказался от паланкина. Он ехал верхом и издали завидел Ян Е, ведущего за собой столичных сановников.

Цзин Хуайюй, затесавшийся среди придворных, внимательно следил за приближающимся Ян Си. Взгляд молодого князя не выражал ни капли тщеславия победы — лишь спокойную, величественную строгость. Будучи человеком на редкость пронизательным и хватким, помощник министра Цзин не стал дожидаться знака от Ян Е. Он первым рухнул на колени и закричал во весь голос:

— Ваш покорный слуга приветствует возвращение князя Чжао в столицу!

Стоило ему подать пример, как остальные чиновники послушно повалились на колени вслед за ним. Даже те немногие, кто питал недовольство, в сложившихся обстоятельствах предпочли смирить гордыню и склонить головы.

Ян Си едва заметно улыбнулся. Бэйчэнь Цин спешил, подошёл ближе и бережно помог ему сойти на землю. Ян Е, всё это время неотрывно наблюдавший за братом, вдруг сорвался с места и бросился к нему. Заметив его мертвенную бледность, Ян Си встревоженно перехватил его ладонь:

— Что случилось, Сяо Лан?

Из глаз Ян Е хлынули крупные слёзы.

— Брат... — разрыдался он навзрыд, как обиженный ребёнок. — Я в городе места себе не находил от страха за тебя. Боялся, что раны твои не затянутся... что ты больше не откроешь глаз... — Сквозь рыдания он поднял заплаканное лицо на Ян Си, взял его ладонь и прижал к своему левому плечу: — Посмотри! Старый ублюдок Вэй Мэндо напоследок решил забрать меня с собой и полоснул саблей! Болит... так сильно болит, братец, мочи нет терпеть...

Ян Е держал брата за руку и никак не мог успокоиться. Мужчины не плачут без причины, но сейчас горечь и физическое истощение переполнили чашу его терпения. Сердце Ян Си болезненно сжалось при виде этих слёз. Он крепко обнял Ян Е, ласково прижал к себе и принялся бережно вытирать мокрые щёки краем своего широкого рукава, но слёзы катились непрерывным потоком.

— Знаю, знаю, мой хороший. Сильно больно? Сейчас же позову военного лекаря, пусть осмотрит рану. Бедный мой Сяо Лан, сколько тебе пришлось перенести... Это я виноват: свалился в самый неподходящий момент, ничем не мог тебе помочь. Прости брата, натерпелся ты из-за меня.

Пока братья предавались нежностям на глазах у всех, у свиты от этой демонстрации родственной любви сводило скулы, но возразить никто не смел. Лишь Вэй Линьсянь мысленно ворчал:

«Когда тебя Лин Шу чуть на тот свет не отправил, раны были куда страшнее, а ты и пикнуть себе не позволял! А теперь устроил тут слезливое представление, тьфу!»

Наконец Бэйчэнь Цин не выдержал, неторопливо подошёл и негромко произнёс:

— Ваше высочество, чиновники ждут вашего слова. Позвольте мне позаботиться о Сяо Лане. — С этими словами он аккуратно, но настойчиво притянул Ян Е к себе.

Ян Си медленно повернулся к притихшим сановникам и мягко проговорил:

— Встаньте, господа. Раз уж всё сложилось подобным образом, не стану утомлять вас долгими речами. Покуда возвращайтесь к своим обязанностям и управляйте делами по прежнему уставу. Когда обстановка в столице окончательно уляжется, мы вернёмся к этому разговору. Моё поместье находится неподалёку, посему предлагаю продолжить беседу в Зале Серебряного Покоя. Что скажете?

Чиновники ожидали, что князь немедленно займёт императорский дворец, и его решение отправиться в собственное поместье породило немало домыслов. Однако лицо Ян Си

оставалось бесстрастным, и, не смея спорить, они послушно последовали за ним.

Бэйчэнь Цин, обнимая Ян Е за плечи, шёл следом за Ян Си. Ян Е продолжал тихонько капризничать:

— Рана так ноет... Я больше палец о палец не ударю. Всё тело ломит. Хочу есть, пить и спать три дня без просыпи...

— Хорошо, хорошо, — вполголоса успокаивал его Бэйчэнь Цин. — Всё сделаем, как ты хочешь.

Поместье князя Чжао пустовало и стояло опечатанным с тех самых пор, как Ян Си поднял мятеж у заставы Фэньюй. Цзин Хуайюй, заранее прознавший о том, что князь задержится в столице, ещё прошлой ночью пригнал слуг и наспех привёл усадьбу в жилой вид.

Пока Ян Си увёл сановников в Зал Серебряного Покоя решать судьбу государства, Ян Е отыскал свой старый флигель. Военный лекарь заново обработал и перевязал его плечо, а преданный Бай Тинби помог раздеться, после чего измученный маркиз повалился на кровать и мгновенно провалился в глубокий безмятежный сон.

Когда он открыл глаза, за окном уже сгустились сумерки. Ян Е попытался пошевелиться, но всё тело отозвалось ноющей болью. В животе призывно заурчало — голод давал о себе знать. Маркиз уже собирался подняться на поиски съестного, как вдруг заметил Ян Си. Брат сидел в кресле у постели и с мягкой улыбкой наблюдал за его пробуждением.

Ян Е поспешно приподнялся и опёрся спиной о изголовье:

— Брат, ты же сам едва на ногах держишься! Зачем сидишь тут? Нужно было разбудить меня.

— Я караулил тебя, — с тихим смешком отозвался Ян Си. — Боялся, что проснёшься и снова закатаешь истерику, вот и не решался тревожить. — Он пододвинул кресло ближе и взял младшего за руку. — Ждал, пока ты выступишься, чтобы вместе отужинать. Сегодня повара приготовили твои любимые блюда: утку «Восемь сокровищ» и хрустящую баранью ножку. Юньци и господин Жэнь уже ждут нас в трапезной. Приходи в себя, и пойдём.

Ян Е согласно кивнул, а Ян Си продолжил:

— Сяо Лан, пока ты спал, я выкроил время и сыграл партию в вэйци с господином Жэнем.

— С господином Жэнем? — усмехнулся Ян Е. — Представляю, какую масштабную игру вы затеяли.

— Именно, — кивнул Ян Си. — Он играет куда искуснее меня, но из почтения не решился загнать меня в угол и предложил свести партию к ничьей. Но я ответил, что в настоящей игре не бывает полумер. Каким бы ни был исход, на доске должен остаться лишь один цвет.

Ян Е на миг растерялся и непонимающе взглянул на брата:

— Один цвет?

— Мне только что донесли, — негромко пояснил Ян Си, — что наш августейший брат Ян Тао бежал из столицы ещё восемь дней назад. Он прихватил с собой лишь императрицу, принцев да Шестого принца Ян Ле с горсткой родичей, бросив весь чиновничий аппарат на произвол судьбы. Говорят, сейчас он уже соединился с армией князя Ляна, шедшей ему на выручку. Нам нельзя давать ему передышку. Нужно ковать железо, пока горячо, и разбить их одним сокрушительным ударом. Если мы замешкаемся, он наберётся сил, пойдёт в контрнаступление, и, когда его войска подступят к Лояну, старые приверженцы вновь поднимут головы под его знамёнами. Стоит нам перевести дух — и мы сразу пойдём по его следам. Иначе как нам очистить доску для нашей победы?

Ян Е с силой хлопнул ладонью по постели:

— Верно мыслишь, брат! Обязательно нужно преследовать. Значит, он действительно побегал к князю Ляну? Хм, а я-то думал, он решит укрыться в землях Цзинсяна.

Ян Си накрыл его ладонь своей, успокаивая:

— Гарнизон в Цзинсяне командует верный человек Ян Тао, генерал Фэнмин, за те рубежи он спокоен. А вот с князем Ляном дело иное. Мой второй брат Ян Чжао уже много лет тяжело болен... недуг его странен и опасен. Оставлять огромное войско под началом безумца наш император побоялся, вот и решил лично держать всё под контролем.

Князь Лян Ян Чжао давно уехал в свой удел в Шаньдун, поэтому Ян Е лишь краем уха слышал о его недуге, но подробностей не знал. Пока он размышлял об этом, Ян Си продолжил:

— Столица только что пала, безопасность как внутри, так и за пределами городских стен сейчас превыше всего. Здесь сосредоточены главные житницы империи Да Янь и все чиновники, так что мне жизненно необходим надёжный человек в тылу. Я уже отправил весть в Чанъань, но старый князь Цэнь наотрез отказался покидать земли Гуаньчжуна. Вместо него в Лоян придут Старшая уездная принцесса Цэнь и Сяо Мэй. Однако оставить огромный город на попечение двух женщин — безрассудство. К тому же принцесса носит под сердцем дитя, я не могу спать спокойно, зная, что она подвергается опасности. Не согласишься ли ты остаться и защитить свою невестку? Кроме тебя и Юньци, мне некому довериться. Но Юньци должен вести армию в поход, так что вся надежда только на тебя.

Слушая эти мягкие речи, Ян Е заподозрил неладное, а когда брат заговорил о его роли, и вовсе

установился на него округлившимися от возмущения глазами:

— Я?! С чего вдруг я? Ни за что не останусь! Я иду с вами брат Ян Тао, и это не обсуждается! Нет, нет и ещё раз нет, братец! Я не могу без тебя, если ты бросишь меня в этом проклятом Лояне, я с ума сойду от тревоги! Вернётся — а меня уже и в живых нет. Впрочем, тебе-то что, у тебя ведь будет драгоценная супруга, до младшего брата и дела не окажется. Можешь и дальше нянчиться со своим ненаглядным Ян Ле, он ведь твой родной брат по крови, не то что я!..

С каждым словом Ян Е распалялся всё сильнее, и Ян Си поспешил его успокоить:

— Мы ещё обсудим это, обсудим! Не горячись.

Прошло два дня. Ян Си собирался снова завести этот разговор и попытаться уговорить строптивого брата, как вдруг до него донесли ошеломляющую весть: Ян Е со своей Армией Разорения Лояна уже скрылся из города, устремившись напрямик наперерез войскам князя Ляна. Напоследок беглец оставил послание:

«Передайте брату, пусть не волнуется. Головой о стену я биться не стану — лишь разведая обстановку, а если запахнет жареным, сразу унесу ноги. Скажите ему, чтоб не вздумал сломя голову мчаться за мной».

Столь долгожданное войско князя Ляна двигалось черепашьям шагом и за всё время сумело добраться лишь до окрестностей уезда Сяньпин, где и вовсе застряло. Причиной тому были непрекращающиеся приступы безумия Ян Чжао. На этот раз болезнь скрутила князя с особой силой. Выслушав доклад, Ян Тао помрачнел пуще тучи. Он взял с собой лучших придворных лекарей, но даже они оказались бессильны облегчить страдания больного. В конце концов император махнул рукой на лишившегося рассудка брата, предоставив его самому себе, и лишь ежедневно вызывал к себе командующего войсками генерала Жун Чжэнфу для доклада о военном положении.

Уездную управу Сяньпина наспех приспособили под временный императорский дворец. По запущенному внутреннему двору носился растрёпанный, простоволосый Ян Чжао с рогаткой в руках. Сила у него была недюжинная, но вот меткость оставляла желать лучшего. Запущенный им каменный снаряд перелетел через высокую ограду, со звоном разбил оконную раму и влетел в покои соседнего крыла.

Из дверей тут же выбежал испуганный престарелый лекарь. Увидев виновника переполоха, он сокрушённо вздохнул:

— Второй принц, помилуйте... Вы же снова разбудили Лин Шу!

Ян Чжао глупо захихикал:

— Разбудил? Вот и славно! Пусть встаёт да идёт со мной птиц стрелять!

С этими словами он ринулся было в чужой двор, но дорогу ему мгновенно преградили бесшумно выросшие на пути гвардейцы Ичжэнь. Следом из дверей неторопливо вышел сам Ян Тао — в парадном золотом венце и драгоценном поясе. Слегка кашлянув, он строго произнёс:

— Второй брат, неужто ты опять лишился рассудка?

<http://bllate.org/book/19546/1998845>